

Епископ
Геннадий
(ГОГОЛЕВ)

СТИХИ

Епископ
Геннадий
(ГОГОЛЕВ)

МОСКВА
2017

Стихи христианина, русского
епископа... — это, право, большая удача.

А. С. Пушкин

**О СБОРНИКЕ
СТИХОВ ЕПИСКОПА
КАСКЕЛЕНСКОГО
ГЕННАДИЯ
(ГОГОЛЕВА)**

Епископ-стихотворец — уникальное в нашей современной жизни явление, что, как известно, отмечено еще Пушкиным. Но творчество епископа Геннадия (Гоголева) интересно не только этим и не в первую очередь этим. Оно демонстрирует литературные достоинства по самому «гамбургскому счету», без каких-либо поправок на социальный профиль автора.

Как известно, стихи у нас писали и пишут госчиновники, олигархи, финансисты, да мало ли кто еще. Священники же будто стыдятся доверять свои мысли стихиям языка и литературной традиции, многоликим и не всегда безупречным. Но если судить по этому сборнику, то совершенно напрасно.

Внешнюю и внутреннюю биографию его автора можно проследить по географическим и культурно-историческим вехам: Петербург, Чудское озеро, Афон, Сергиев Посад и Лавра, монастырь в Воронеже, Ржев, Мюнхен, Казахстан, Усть-Каменогорск, Ипатьевский мемориал, смерть о. Даниила Сысоева... При этом пространство повседневности в лирике владыки Геннадия — если так вообще можно сказать о его стихах, — это пространство, ничем не замутненное, но пропитанное провиденциальными смыслами, словно и нет вокруг нас липкой паутины сетевой жизни. Может ли

быть что-то более искреннее и угодное Богу, чем, например, вот этот разговор с ребенком?

Не грусти — я тебе напишу
Эти нежные строчки стихов
И молитвой своей потушу
Зародившийся пламень грехов.
Я отвечу на детский вопрос
Твоей чистой и слабой души,
Что сегодня ты сердцем дорос
До сокрытых в тумане вершин.
Не печалься! Забудь о дурном,
Брось ненужные песни учить.
Не устроен тот праздничный дом,
Но тебе в нем понравится жить.
Ходит ангел в прозрачной тиши,
Словно зоркий солдат на часах.
Посмотри, как рассвета лучи
На его отразятся слезах...

Везде, практически в каждом тексте, идет речь о возможности служения Богу, служения всюду и всегда. Даже переживанием болезни друга, данной как испытание:

Врачи, как сталинская «тройка»,
Вошли в холодный полумрак.
Профессор сел ко мне на койку:
«Отец, мужайтесь, это рак».
Привстал, поправил одеяло,
Блеснул браслетом на часах.
И состраданье пробежало

В еврейских траурных глазах.
Ушли, как будто бросив дело,
Не замечая, как во мне
Душа восторженно запела
О наступающей весне.

Если говорить с чисто литературной точки зрения, то перед нами случай сознательного академизма в лирике. Автор наследует Золотому веку русской поэзии напрямую — обращаясь к нему «через голову» веков Серебряного и Бронзового. Поэтому читатель переходит невидимую грань и попадает как бы в другую модель современности. Историческое время, как река, распадается на два рукава. Похожее ощущение бывает при разговоре со староверами, хотя это очень далекая аналогия. Здесь мы видим прямую ориентацию на философскую и богословскую лирику Пушкина, Лермонтова, Тютчева и даже Державина. Причем если в ранних стихах это скорее подражание далеким предшественникам на уровне языка, образности, лексической архаизации (включая употребление церковнославянизмов), то в более поздних наблюдается глубокое переосмысление традиции. Что объективно, несмотря на «академизм», все же приближает эти тексты к Бронзовому веку, скажем, к Заболоцкому и Рубцову.

При этом по всему видно, что автор хорошо знает и любит самую разную поэзию. Здесь есть эпиграфы из Николая Языкова и Роберта Фроста, есть посвящение Марине Цветаевой. Но он сознательно выбирает классическую форму стиха: рифмованную силлабо-тонику, регулярную строфику.

Жанрово-тематический репертуар сборника разнообразен. Лирический герой пытается осмыслить свой дар, обращается к теме поэта и поэзии, к пейзажной лирике, наполненной, в духе XIX века, философскими размышлениями. Иногда даже в виде трогательных ремарок за гранью собственно поэтического текста: «С утра проснулся больной. Не пошел в епархию. Лежал и смотрел, как в большой кормушке под окном синички таскают и клюют хлебные крошки».

Есть здесь и четкая общественная позиция:

Батюшка не в шутку увлечен:
Наплевав на наши пересуды,
Шьет нам богословие Иуды
Из обрывков власовских знамен.

Вот только эскапизма в этой лирике совсем нет, а есть предельная отзывчивость. И авторское

богословие — подлинное, не условно-символистское, а прямое и конкретное. И когда берешь в руки сборник, сразу чувствуешь, что читаешь стихи священника. У них особое звучание. В оркестр метафор, ассонансов, рифмовок, созвучий словно вплетается особая, необычайно светлая, странно знакомая, но непривычная в современной литературе нота. А все дело в том, что автор находится в постоянном молитвенном диалоге с Господом. И то, что пишется, — пишется под Его добрым взглядом, для Него и с Его помощью.

*Александр Шипков,
писатель, доктор политологии,
кандидат политических наук*

**СОЮЗ КАНОНА
И СВОБОДЫ**

Готовясь представить подборку стихотворений автора этой книги в православном журнале «Фома», я, разумеется, думал о многовековой традиции церковной поэзии и об особом, более новом явлении словесности, названия которому, по правде сказать, не знаю. Но об этом чуть позже.

Что до истории христианства, то вот нам имя святого Амвросия Медиоланского, крестившего Блаженного Августина, величайшего гимнографа, писавшего стихами. «Сдержи наш воздержанный / Язык и очи, чтобы мы / Их не бросали с жадностью / На суету житейскую...» А вот — поэзия великого каппадокийца Григория Назианзина — сподвижника и друга Василия Великого. Вот и сам святитель Василий. И далее — ближе к Средневековью — из памяти приходят имена английского проповедника и поэта Джона Донна и нашего виршеслагателя и богослова Симеона Полоцкого.

И еще ближе — уже новейшее время: архиепископ Иоанн (Шаховской), писавший еще и до рукоположения под именем Странника.

Одним словом, было о чем задуматься, когда писатель и ученый Валентин Курбатов, прислав стихи епископа Каскеленского Геннадия (Гоголева) из Казахстана, напомнил о том, что со времен поэтического ответа Московского святителя Филарета на пушкинский «Дар

напрасный, дар случайный...» русская поэзия почти и не знала примеров стихотворного творчества наших архиереев. Батюшки-то писали и пишут, вот как священник из Минусинска отец Сергей Круглов, — примеры есть. «А вот чтобы владыки...»

И до и после того как владыка Геннадий прислал для публикации свои стихотворения, мы всё переписывались с В. Курбатовым, обсуждая эту необычную историю. «Время шумит над Церковью напрасно, она хранит детство миропонимания для будущих времен невредимым. Поглядите сами», — написал Валентин Яковлевич в своем самом первом письме, прикрепляя к нему несколько стихотворений владыки. И уже потом: «Что может быть выше союза канона и свободы и что вернее возвышает слово до Господней чистоты, чем свет Святого Духа...»

*Павел Крючков,
заведующий отделом
поэзии журнала «Новый мир»*

СКРИПКА

Плачет скрипка в руках музыканта,
Надорвавшись горячей струною.
Очарованный силой таланта,
Ты опять вознесен над землею.
Каждый вечер высокое зданье
Покидаешь с усталой улыбкой,
А цветы и рукоплесканья
Достаются тебе, а не скрипке.
И, почуяв в ней душу живую,
Ты вздохнешь и на миг замираешь.
И целуешь ее, как родную,
Когда ночью в футляр полагаешь.
Мой Господь, на стезе моей зыбкой
Утверди меня волей святою,
Чтоб Твоею послушною скрипкой
Мне и плакать, и петь пред Тобою.

1998 г.